

«ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА» В «ИНТЕРВЕНЦИИ»

Русский вопрос решался в испанском «Доме Бернарды Альбы»

День первый.

Примирение с прошлым

«Щи в котле, хлеб на столе, вода в ключах, голова на плечах», — на прощание семьи журналистов выслушивают наставления. Не ждите нас целую неделю ни дома, ни на рабочем месте — мы при исполнении. Освещаем «Театр без границ» — для кого фестиваль, а для кого марафон. Не хочется пропустить ничего: ни спектакля, ни семинара, ни обсуждения — фестиваль — день год кормит.

Открытие «Театра без границ» — в лучших советских традициях: эпического полотна, любовь на фоне революционных вихрей — «Доктор Живаго» Пермского академического театра драмы. Удачное начало: фестиваль вместе с провинцией прожил трудное пятидесятилетие, все счеты прошлому предъявлены, давно пора прийти к примирению сторон. И вот оно, примирение с прошлым: в образе рожающей женщины, жены Живаго, и как метафора — России, в военной и революционной горячке рождающей новый мир. Даже в сцене заложено напоминание о загадочной русской душе: металлическая конструкция то опоясывает сцену черным квадратом, то зависает над ней нимбом, то оборачивается дощатым крестом мученичества.

Хороший знак: слушатель встретил первый спектакль благосклонно, а музыка Александра Журбина, автора многих советских хитов, рок-оперы «Орфей и Эвридика», встанет в один ряд с мелодиями из любимых «Интервенции», «Опасных гастролей», «Свадьбы в Малиновке». В книге отзывов после спектакля: «Хорошо, но мало» — это про трехчасовое представление.

Рубен АГАРОНЯН, дирижер Магнитогорского театра оперы и балета — о «Докторе Живаго» пермской академической «драмы»:

— Такую синхронность хорового пения не часто встретишь даже в оперном театре. А тут, помимо пения, — танец, драматическая игра. Это от мастерского владения словом, от чеканного произношения. Могу представить, как сложно дирижеру работать с оркестром и движущейся массой людей, но он же и первый помощник артиста на сцене. Отмечу сценическое мастерство, качественный свет. Местами, правда, в действии не хватает динамики.

Эпические полотна, русские характеры и судьбы вполне успешно ложатся на язык мюзикла. Когда я учился в питерской консерватории, ставили «Анну Каренину» Владислава Успенского. Она имела колоссальный успех, хотя тогда еще не было электронной музыки. Да, при таком переложении на музыку происходит упрощение языка драмы, но и его обогащение музыкальными средствами.

Дни второй и третий.
В деревню, в глушь, в Сибирь!

Продолжение темы исследования загадочной русской души — уже назавтра, а заодно и послезавтра. Сначала екатеринбургский театр кукол даст «Бобок» по мотивам рассказов Достоевского, потом омский «Пятый театр» — «Достоевского.ру». Ни у тех, ни у других не увидишь защитника униженных и оскорбленных — это другой Федор Михайлович. «Бобок», завоевавший Гран-при на последнем «Соломенном жаворонке», состоит из двух неравных по качеству частей. Первая — почти моноспектакль: как иначе воспринять действие, где, кроме теряющего разум писателя, снуют его не то двойники, не то воображаемые персонажи. Не принимать же их за реальных действующих лиц. Трои молодых артистов почти без слов, одной пластикой ведет дневник сумасшествия по-русски: писатель, подвал, одиночество, разговоры с самим собой, бедность, тягостный талант замечать неочевидное. Во второй части, где действуют куклы вперемешку с людьми, неочевидный мир открывается во всей красе: мертвецы, не нашедшие покоя до сорока лет, не скончавшиеся рамками приличий, обнаруживают самые низменные свои черты. А наш писатель, осознавший греховность толпы, все-таки заканчивает фразой: «Пойду напишу еще фельетон»: покойники — люди мелкие, но и он — маленький человек и писатель маленький. Екатеринбургский театр кукол еще раз после «Гамлета» прошлого фестиваля подтвердил славу мастера черного юмора и гротеска — недаром на его родине собираются провести международный фестиваль театров кукол.

Сибирякам исследовать Достоевского куда труднее, чем стране: Омск уже называют столицей Достоевского, так много здесь связано с именем известного сидельца. Если у уральцев Федор Михайлович исследует потусторонний мир и большой разум, то сибиряки в обращении к классике стоят на самых земных позициях: у омичей писатель — певец Сибири. Здесь на фоне острожных декораций сверкают домотканые кружева, ошеломляют церемонные тра-

диции, льются песни, завораживают характеры и истории любви до гроба. Привычного Достоевского здесь нет совсем — но разве не эти персонажи и эти рассказы соседствовали с ним в остроге?

Русский вопрос продолжает «Месяц в деревне» Новосибирского академического молодежного театра «Глобус», удостоенного внимания и благодарности президента Владимира Путина за вклад в развитие театрального искусства и воспитание молодежи. Тургеневскую усадьбу, в отличие от чеховской, зритель на сцене видит не так часто. Сибиряки рискнули оосовременить ее до стареющей, чеховской: стены в пятнах сырости, колонны разной формы, костюмы декадентской поры. На фоне противоречивого начала XX века заострились характеры персонажей: циничного доктора Шлигелеса в исполнении заслуженного артиста России Александра Вавина, вызывавшего аплодисменты своим появлением, и Натальи Петровны с нестерпимой жадой любви в исполнении Юлии Зыбцовой. Доктор бесстыдно признает свою бездарность, небескорыстно сватается за молодого приятеля юную девушку и сам женится на деньгах. Наталья Петровна, влюбленная в молодого учителя, мечется между сердцем и долгом, стыдом и ревностью. Молодая артистка Евгения Акимова также в числе зрительских фаворитов: ее Катя — воспитанница, оказавшаяся лишней в этом треугольнике, на глазах превратилась из восторженного ребенка в страдальницу, готовую выйти замуж за немилого, чтобы только оставить опустевший дом. Неужто правда все это в крови у русского человека: для чужих — показное бесстыдство, на душе — смятение, в минуту отчаяния — готовность к жертве?

Пока небольшие площадки — «Буратино» и средняя сцена — заполнены до отказа. VIP-персон в зале немного, но мэра встречаем уже не впервые.

Максим УДИНЦЕВ, артист Екатеринбургского театра кукол, — о своем персонаже из спектакля «Бобок»:

— Это не русская история сумасшествия — мы играем конкретного человека, без упора на социальные условия. Человек не понимает, что с ним происходит, не может контролировать свое состояние, только чувствует неладное. Мне становится все сложнее с этой ролью — мы слишком часто стали играть спектакль. Прежде было за целый год один-два раза в месяц, а теперь только за последний месяц раз пять, возим его на фестиваль. И всякий раз входить в это сумасшествие, так участить ритм игры — это утомительно.

Мария ДОЛГАНЕВА, артистка Омского государственного камерного «Пятого театра», исполнительница роли Акулины:

— Для меня Достоевский очень светлый автор. Свет — это когда человек думает о боге. К нам часто приходит молодежь, многие говорят, что после нас открыли для себя Достоевского, стали его читать. Режиссер Андрей Енукидзе сделал спектакль позитивным, а период репетиций был чудесным временем, мы очень любим этот спектакль и режиссера.

Анастасия ШЕВЕЛЁВА, артистка Омского государственного камерного «Пятого театра», исполнительница роли влюбленной девушки:

— У меня роль бесовской, безответно влюбленной. Мне ее придумали за два дня, когда я приехала со съемок. Она довершила картину. Нельзя было оставить героя без такой неразделенной любви — нужно было обрисовать сложность характера парня, обогатившего любимую.

День третий, международный

Русский вопрос закрыт. Третий фестивальный вечер — время общечеловеческого. Сначала «Дом

Бернарды Альбы» Федерико Лорки Саратовского государственного академического театра драмы имени И. Слонова. Три поколения женщин, закрытые в доме обочьями. Молодые девушки и старуха, готовые сломать голову бежать к любви: она — их будущее, они — ее прошлое. И мать, как будто стоящая на их пути. Режиссер Марина Глуховская не дает однозначных оценок: в доме красивый, выверенный быт, да и Бернарда в исполнении Тамары Джугаевой неслепотничья. Ей ведь тоже некуда бежать — за стенами ее дома те же порядки, те же запреты для женщин: то-то Пепе-Римлянин безнаказанно назначает свидание сразу двум сестрам в этом доме. После «Доктора Живаго» этот первый спектакль на большой сцене, и снова зал заполнен. Но чу: со второй половины спектакля тонкой струйкой просачиваются к выходу... мужчины. Нервы не выдерживают наблюдать женские судьбы. А мы ими живем, не жалуемся.

Вечером с большой задержкой — японский театр «Стор Хаус Компани». Публика не расходится — с такой эстетикой Магнитка мало знакома: по сцене ходит, стелкаются, машут руками молчаливые, как куклы, люди.

И это тоже мы.

Иван МЕЛЬНИКОВ, зритель, преподаватель МГУ — о «Доме Бернарды Альбы» Саратовского государственного академического театра драмы имени И. Слонова:

— Я вижу в этом спектакле предупреждение о будущем России: в настоящее время в стране на десять женщин пять-шесть нормальных мужиков. Если будем жить, как сейчас живем, то останется один Пепе за кадром.

Зуфар КАШАПОВ, зритель, начальник отдела в Южуралавтобане — о «Доме Бернарды Альбы»:

— Пятнадцать женщин на один спектакль — это все-таки многовато. Хотя один Пепе бы появился. Может, потому он и не возник на сцене, чтобы быть единственным на такое количество женщин — это не очень уютно, вот он и за кадром, вот его и носит от одной женщины к другой. Но смотрел с интересом — театр позволяет увидеть разные судьбы, с которыми в жизни не соприкосаешься. Поразило сочетание грузинского, испанского, аргентинского в костюмах, песнях, музыке — не показало органичности, даже если это намек на интернациональность проблемы.

Господин КИМУРА, руководитель японского театра «Стор Хаус Компани»:

— Я начал заниматься театром в университете, в театральном кружке. Еще в это время, в восемьдесят четвертом, нам удалось создать небольшое помещение, и мы до сих пор базировались в этом крошечном здании. В Японии, кроме традиционного театра, существуют еще два направления. Это так называемый новый театр, по-японски сингеки: в него входят последователи русского театра, которые в начале двадцатого века под влиянием Чехова, МХАТа стали работать в системе Станиславского, а в шестидесятые годы XX века появилось другое, андеграундное направление, мы в этом направлении работаем. По образованию я социолог, это мне очень помогает. Дело в том, что я смотрю на театр не как на отдельное явление, а как отражение общества, явления, происходящих в социуме. У нас спектакли без слов, отношения людей выражаются через человеческое тело, прикосновения... Конечно, идея не нова, но мне интересен этот эксперимент. В России мы уже второй раз, оба раза по приглашению центра авангардного искусства «Дом» в Москве — там увидели наш видеоматериал и пригласили на гастроли.

АЛЛА КАНЫШИНА.

ВЗРОСЛЫЙ КУКОЛЬНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

«Бобок» приехал в Магнитку после триумфа у «Петрушки Великого»

ЗАДОЛГО ДО НАЧАЛА спектакля Екатеринбургского театра кукол «Бобок» в фойе театра «Буратино» стали собираться учителя и школьники. Недоуменные магнитогорские театралы морщились от такой оживленной аудитории.

— Вы знаете, на какой спектакль привели старшеклассиков? — обрадовались они к педагогам.

— Афишу читали, Достоевский вроде — не кукольный... Но у школьников он обязательный по программе, ребятам стоит посмотреть...

И вот мистическая фантазмагория по мотивам рассказов классика. Перед зрителем предстали два мира, две совершенно разные, казалось бы, части спектакля: первая исследует сознание сходящего с ума неудачливого литератора, которое множится натрое, вторая — фантастическое представление о жизни после смерти, с замойными лицами статских советников, генералов, барынь, мамзелей, заискивающих даже в загробной жизни чиновников, продажных женщин, светских повес, философов... Су-

масшествие и нравственное разложение, жизнь по инерции и, по сути, отсутствие жизни объединяют обе части спектакля, мир живых и мертвых, заставляя взглянуть на вечные проблемы собственными глазами здесь и сейчас, «пропустив» все через себя.

С московским режиссером-постановщиком «Бобка» Григорием Лифановым поговорить не удалось — работает сейчас в столице; с художником-постановщиком, лауреатом премии «Золотая маска» Андреем Ефимовым тоже — он остался в Екатеринбурге.

— Наш спектакль для взрослых, — говорит завлит театра Елена Ильина. — И куклы — для взрослых. Даже первое, не кукольное, действие трудно назвать «живым планом», а скорее маской, помогающей раскрыть образ героя. Отсюда удивительная пластика и необычный способ существования: в реальной жизни человек вряд ли ищет, что шуршит около него, что пробежало, при этом придумывает рекламный слоган, танцует, сходит с ума... Во второй части спектакля без кукол и масок показать загробный мир, где люди «разложились» в равной степени

как физически, так и нравственно, было бы невозможно. Поэтому куклы — тоже главные герои действа.

Сборище трупов, не столько мрачное, сколько веселое, но все же явно отдающее нравственным тяжелым духом, школьной аудитории пришлось «по вкусу». Действие первое же — типичная достоевщина с мистикой: причудливый образ литератора, который ищет идею и «соль», а получается «красненький чай», разговаривающие с ним дома вместо людей и постоянный шепоток из ниоткуда — «бобок» — не каждый взрослый понял и воспринял адекватно. В итоге — шушуканная «детская» аудитория, переписка по «аске» на мобильниках и обмен мнениями в конце спектакля: «Тебе как? Мне... (с отвращением высунутый язык)» — «И мне также. И кто такой «бобок» — непонятно...»

Спектакль-открытие многих фестивалей этого года, к сожалению, не встретил достойной аудитории в Магнитке. Год назад «Бобок» получил Гран-при екатеринбургского театрального фестиваля «Петрушка Великий», был приглашен на фестивали «Кукар» в Санкт-Пе-

тербурге, «Рязанские смотрины» в Рязани, стал обладателем Гран-при «Соломенного жаворонка» в Челябинске. Впереди у «Бобка» номинация на национальную театральную премию «Золотая маска» в Москве. Но лишь дома, признается ведущий актер театра Максим Удинцев, зритель был готов к серьезному просмотру. Фестивали, несмотря на «разовость» представленных на них избранных работ, грешат организацией зрителя. Особенно когда «ставят» классику.

— Приводили на «Бобок» ПТУ... — вспоминает Максим. — В Челябинске был вообще «полный вперед» — на наши реплики со сцены раздавались такие ответы из зала, что хотелось снять ботинок и бросить куда-нибудь. Но мы старались (смеется), занимались своим делом, побеждали силой искусства... Какие хотели вызвать эмоции у зрителя? Определенных ожиданий не было. Страх, стыд, жалость, сострадание — любой человек может вывести что-то свое после просмотра спектакля, главное — чтобы люди задумались... А над чем, решать каждому.

ЛЮДИЛА БОРИШКИНА.

